

На правах рукописи

Н. Б. ЯНКОВСКАЯ

РАСПАД БОЛЬШЕСЕМЕЙНОЙ ДОМОВОЙ
ОБЩИНЫ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ
II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ до н. э.

(К вопросу о роли товарного производства
в развитии рабовладельческой формации)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ленинград
1959 г.

Предлагаемая работа построена на материалах клинописных архивов, включая публикации 1958 года.

Относительно домовой общины по клинописным источникам есть только исследование П. Кошакера «Фратриархат, домовая община и матернитет в клинописном праве» (Берлин, 1933), в котором автор обобщает самые различные данные и приходит к выводу, что домовая община всюду в Передней Азии носит следы фратриархата, сосуществующего с патриархатом. Сохранение домовой общины П. Кошакер объясняет неделимостью имущества, необходимой потому, что основой хозяйства всюду являлась земля, и переход ее к одному человеку означал бы гибель остальных, — поэтому, с его точки зрения, во всех случаях речь может идти только о порядке смены глав общины. Тем не менее, исходным он считает фратриархат, но не для всех стран, а только для Хайасы, Аррапхи и Элама, и объясняет эту особенность предполагаемым этническим единством перечисленных областей, о котором теперь не может быть речи. Переход к патриархату, по мнению П. Кошакера, начался с упрочения права представительства первородного сына старшего брата. Постепенно это право представительства, — восходящее, с его точки зрения, к обособлению хозяйства патриархальной семьи — перешло на остальных сыновей, а затем на прочих домочадцев, включая женщин и даже рабов.

Отмеченные положения П. Кошакера относительно экономической характеристики домовой общины высказаны им между прочим и аргументированы очень слабо, так как он рассматривал эту организацию только с точки зрения правовой и отчасти этнографической, — вопросы экономики лежали за пределами его интересов.

Со времени выхода в свет работы П. Кошакера были опубликованы новые материалы и появились исследования, которые значительно упрощают задачу характеристики домовой общины в связи с общими проблемами истории экономики рабовладельческой формации.

Наиболее обширный и разносторонний материал к вопросам экономики стран Передней Азии II тысячелетия до н. э. дают архивы Аррапхи — небольшого независимого государства, расположенного в верховьях Адема, притока Тигра. Религиозно-административный центр этой страны, Алилани («город богов») находился на месте нынешнего Керкука, — отсюда, из случайных находок, происходят около полутора сотен клинописных таблечек. Примерно четыре тысячи документов были обнаружены при систематических раскопках в 1925—31 годах холма Иорган-тепе, расположенного в 10 милях от Керкука, на месте древней военной крепости Аррапхи, Нузы. Материалы этих раскопок обработаны и опубликованы.

Архивы Нузы почти целиком изданы в автографии — в шести томах (коллекция музея при Пеннсильванском Университете) и в транскрипции, частично с автографиями, — также в шести томах (коллекция, поступившая в Семитический музей Харвардского Университета). Из всех этих документов в переводах с комментариями издано не больше трехсот. При подготовке настоящей работы были учтены все документы доступных изданий, как в комментированном переводе, так и в прорисовках только.

В советской исторической литературе часть документов из Аррапхи привлекалась ради аналогий в работе И. М. Дьяконова (по материалам исследований П. Кошакера) и в работе Н. М. Никольского (по изданию сотни документов в обработке Е. Шпейзера). Специально этим архивам посвящено несколько работ автора настоящей диссертации.

Диссертация состоит из предисловия, в котором дано соотношение темы с общей исторической проблематикой, введения, трех глав и приложения с планами раскопок Нузы.

Введение содержит историко-археологический очерк и критический обзор важнейшей литературы по архивам Аррапхи.

Примерно двести клинописных таблечек было найдено в слоях Иорган-тепе, относящихся ко второй половине III тысячелетия до н. э. В то время здесь была торговая аккадская колония, Гасур. Колонисты имели значительное полевое хозяйство, которое обслуживалось окрестным населением за натуральное довольствие (орудия, рабочий скот и посевное зерно выдавала колония)¹. Конкуренция с ашшурскими купцами в Малой Азии, по-видимому, была причиной разгрома

¹ См. А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л. 1956, стр. 237—240.

колонии в начале II тысячелетия до н. э. Позже это поселение было переименовано в Нузу и превращено в военную крепость аррапхитов.

Преобладающим этносом Аррапхи, так же как синхронных Митанни (Северная Месопотамия) и Алалаха (северная Сирия), были хурриты, язык которых родственен урартскому. Документы II тысячелетия составлялись по-прежнему на аккадском языке, хотя и с заметным влиянием хурритского. Датируются они на основании письма Шаушшатара (митаннийского царя, сына Парсашатара), которое было найдено в Нузе, в частном архиве царевича Шильватешупа.

Официальный архив Нузы содержит около двух тысяч клинописных таблечек, хранившихся в помещениях цитадели: в основном во дворце, частично в храмах, которые обеспечивались из дворцового хозяйства, располагавшего посевными полями, огородами и рощами. Главным источником доходов дворца было скотоводство и ремесленные мастерские. Работали в хозяйстве цитадели как свободные, так и рабы. Расходами ведал управляющий, — дочь одного из них, Тульпун-на-а, хранила свой личный архив на хозяйственной половине дворца вместе с официальными документами. На парадной половине дворца, где, по моему мнению, происходили заседания суда, найдены записи о допросах градоначальника Нузы, Кушшихарбе, обвинявшегося в злоупотреблениях властью.

Судьи избирались, очевидно, из совета старейшин, упоминающихся в документах в составе суда, иногда вместе с командантом крепости. По всей видимости, они заседали периодически и состав их менялся через определенные промежутки времени — иначе необъяснимо почти полное отсутствие датировок в документах относительно долгосрочного кредита (оформлялись они через суд). Судьи могли быть созваны по особому требованию царского чиновника. Собственно царского архива в Нузе нет, т. к. царь жил в Алилани, на территории нынешнего Керкука, недоступной для раскопок. Известно, однако, что он был верховным судьей и полководцем. Каждое крупное поселение Аррапхи, в том числе Нуза, имело свою царицу, которая, по-видимому, была жрицей богини плодородия.

Кроме официального архива, было найдено около двух тысяч документов частных архивов, обнаруженных в пригородных жилых комплексах Нузы на двух отдельных холмах: севернее (А) и северо-восточнее (Т) Иорган-тепе. Часть холма А занимал дом царевича Шильватешупа: в его архиве

преобладают хозяйственные документы, свидетельствующие о значительных размерах владений царевича: он имел своих ремесленников, писцов, пастухов, лесничих, рабов, телохранителей из знати и пр.; в его хозяйстве насчитывались сотни голов крупного и мелкого рогатого скота, были рощи, сады и до сотни гектаров полей. На землях царевича работали, как мне кажется, зависимые от его кредита граждане, которым он, в виде исключения из обычной практики аррапхитов, систематически выдавал беспроцентные зерновые ссуды до урожая.

Архивы соседей царевича, — родов Катири и Уннутейя, — в отличие от архива Шильватешупа, представляют по преимуществу собрание документов юридических. Особенности этих архивов, с точки зрения интересующих нас вопросов, можно охарактеризовать следующим образом. Аккуйя, сын Катири, собирал земли своих родичей, которым давал займы зерно, металлы и шерсть под залог недвижимости и под обработку в его хозяйстве до возврата основной суммы долга. Илану, сын Тауки (внук Уннутейя), наживался на таких же кабальных ссудах, но уже предоставляемых значительно более широкому кругу лиц. Самые обширные спекуляции (с целью скупки земель) практиковал Техиптилла, комендант крепости Нузы, дом которого был расположен на холме Т.

Частные архивы охватывают время жизни четырех—пяти поколений аррапхитов. Если начинать счет с Аккуйи и его современника Пушишени, отца Техиптиллы, то основная масса документов относится ко второму поколению, и связана с именами: Техиптиллы, старшей его современницы — Тульпуннайи, и младшего его современника — Илану. История Нузы кончается вторичным вторжением ассирийцев.

Использованные в работе сведения о взаимоотношениях членов большесемейных общин Аррапхи частично уточняют данные сводного именного индекса, изданного И. Гельбом, П. Парвзом и А. Макри, материалы которого значительно облегчили выяснение мотивов отдельных сделок и последовательности их. Это касается в особенности установления родственных связей колесничего Шукритешупа и пятого поколения дома Катири.

Специально по вопросам экономики Аррапхи есть только одна работа, принадлежащая Ф. Стиллу, в которой он определяет среднюю норму цен, соотношение ценностей в залоговых и в обменах, и сопоставляет полученные данные со средне-ассирийскими и старовавилонскими. Поиски средних цифр фактически затушевывают самое существенное в исследуемых

Ф. Стиллом сделках, а именно — причины и следствия их возникновения.

Большая часть монографий и статей по архивам из Аррапхи посвящена толкованию терминологии, — в основном в них речь идет о двух типах документов, представляющих в этом отношении наибольшие трудности:

а) ссуда (как правило долгосрочная) под заложника, обязанного работать на кредитора до выплаты основной суммы займа или под залог недвижимости типа антихрезы, при которой кредитор пользуется залогом до возврата основной суммы. (П. Кошакер и Е. Шпейзер считают такую бессрочную ссуду формой продажи);

б) продажа недвижимости под видом усыновления покупателя (вариант — принятия его в число братьев). Прямой продажи недвижимости в Аррапхе нет — существующие объяснения этого обстоятельства сводятся к предположению П. Кошакера, считавшего все земли ленными владениями, продажа которых была запрещена.

Расхождения автора с общепринятыми толкованиями отдельных формул документов и объяснениями юридической практики аррапхитов в целом, приведены с краткой их аргументацией. Подробная мотивировка выдвинутых здесь положений развернута в последующих главах работы.

Первая глава посвящена определению характера и состояния домовой общины — основной землевладельческой и производственной организации Аррапхи.

В составе страны каждая территориальная община распадалась в свою очередь на домовые (*димту*)², представляющие объединение патриархальных семей, родство которых может быть настолько тесным, что иногда они являются одной большой семьей. Первоначально хозяйство такой домовой общины было нераздельным, но и после его раздела сохраняется совместное обеспечение культа домашних богов и предков, который отправляет первородный сын старшего из братьев (*эври* «хозяин», см. ниже). По-видимому, в связи с этой своей обязанностью он при разделе получает дополни-

² Общепринятое толкование этого термина иное, — предложено оно Э. Кьера и Е. Шпейзером, которые переводят *димту* по контексту, как «район». Однако, термин этот постоянно встречается в виде параллели к «соседской общине» (*алу*) в сочетании со словом «пашня». Тем самым, речь идет безусловно об особой организации. Сама по себе домовая община — объединение значительное и может состоять даже из нескольких поселений и мелких *димту*, выделившихся из состава первоначальной.

тельную долю (*кашка*)³ и «большой дом», где, очевидно, находилось святилище.

Общественные повинности были распределены по домовым общинам, так что некоторые из них специализировались на определенном виде поставках или службе: известны домовые общины купцов и поставщиков ячменя. В записях показаний по делу о преступлениях градоначальника Кушшихарбе есть обвинение его в том, что он взял из дворца 30 человек «несущих повинность ячменных домовых общин», и заставил их возделывать сезамовое и пшеничное поля и собирать дрова.

Особенно строго следили, по-видимому, за обеспечением воинской повинности, но практически и земли воинов пошли в оборот, только по сниженной цене и с условием выполнения повинности прежним владельцем.

В Аррапхе земли домовых общин были окончательно закреплены за ними, — их границы служат постоянными ориентирами при определении местоположения соседних наделов. Внутри домовых общин почти вся земля находилась в индивидуальном пользовании отдельных патриархальных семей, только часть земель систематически перedelалась. Именно поэтому передача земли была возможна только через принятие покупателя в состав такой общины в качестве сына владельца отчуждаемого надела (если продавец ведет отдельное хозяйство) или в качестве брата его (если хозяйство нераздельное).

Скупка земель Техиптиллой, комендантом Нузы, была явлением из ряда вон выходящим, судя по специально упомянутому о ней в одной из датировочных формул, встречающихся вообще очень редко. Техиптилла, по-видимому, был слишком высоким чиновником, недостижимым для местных властей в отличие от градоначальника. Отдельные судебные иски по его сделкам есть, но все они были решены в его пользу. Формально он строго придерживался местных правил, практика его выделяется только размахом (больше 100 купчих).

В Аррапхе все залоговые на недвижимость и купчие — усыновления оформлялись через суд и тем самым получали законное основание. Во избежание протестов со стороны родичей должника-продавца, их вводили в состав свидетелей

³ Назначение этого участка для обслуживания культа домашних богов и предков установил Е. Шпейзер, отождествление дополнительной доли старшего брата с этим наделом — принадлежит мне.

при заключении сделки. Всякая попытка пересмотреть такой договор кончалась для истца крупным штрафом или, в сложных случаях, угрозой применения ордалии (испытания перед богами).

Независимо от вмешательства в дела нузийцев царского чиновника Техиптиллы, домовая община здесь интенсивно изживалась. Например, большая часть земель дома Катири уже в первом поколении оказалась в индивидуальном владении семьи Аккуйи, так что и сама эта община была переименована из принадлежащей Катири в принадлежащую Аккуйе, хотя в ее составе были владения и других его родичей. Правнук Аккуйи, Акаватил, сын Эллы, перекупил у своего родственника даже священное право главенства.

Во второй главе рассмотрены причины и следствия индивидуализации хозяйств. Домовая община представляет по существу кооперацию простого натурального хозяйства, т. е. характерная для нее практика систематических переводов земель несовместима с интенсификацией производства и допускает только самую примитивную форму хозяйствования. Между тем, в Аррапхе XV в. наблюдается значительное разнообразие огородных, полевых и садовых культур. Вести такое сложное хозяйство не выделившись из большесемейной кооперации, очевидно, невозможно, так же как и перевести все хозяйство большой семьи на более интенсивную систему возделывания земель — отчасти в силу косности ее традиций, но больше, по-видимому, из-за высоких затрат, которые на это потребовались бы. Специализация малых семей в свою очередь немыслима без поддержки кредита или расчета на рыночный сбыт. Законы синхронной Аррапхе Эшнунны (расположенной южнее, на Диале) регулируют рыночные цены на продукты питания и шерсть, т. е. как раз те самые ценности, которые в основном фигурируют в займах аррапхитов. Очевидно, такого рода торговля была и в Аррапхе делом обычным.

Однако, даже если мелкое индивидуальное хозяйство целиком сбывает свою продукцию на рынке, обменивая ее на предметы потребления (что вряд ли имело место) — это не разрушает самой основы его производства, так как возможности развития товарного хозяйства здесь ограничены мизерными его масштабами, примитивными потребностями и ограниченностью его владельцев, скованных рутинной местных традиций.

Совсем иначе, быстро и радикальным образом перестраивая всю систему производства, действует кредитное обраче-

ние⁴, особенно кабальный кредит, гарантированный личной свободой должника и его семьи или недвижимостью, с утратой которой должник лишался гражданских прав. Показательно, что даже нераздельное большесемейное хозяйство иногда теряет часть своих земель, оказавшись неплатежеспособным, но в основном попадают в кабалу и продают свои земли малые семьи, судя по размерам наделов (1—2 имера) и числу заложников (обычно 1, иногда 4).

Главная тенденция развития индивидуальных хозяйств прослеживается в работе начиная с архива Тульпуннайи. Документы ее не имели единой всесторонне разработанной формы, характерной для младших ее современников, очевидно, потому, что кредитное обращение при ней только начинало развиваться. Возможно, что большая часть ее должников попала в кабалу в результате недавно закончившейся засухи, упомянутой в одном из документов ее архива. Однако, никакое стихийное бедствие не приведет к интенсивному развитию кредитного обращения, если хозяйство страны остается целиком натуральным, или даже преимущественно натуральным. С этой точки зрения показательно, что первыми гибнут именно мелкие специализированные хозяйства. Купчие Тульпуннайи почти полностью имеют ввиду приобретение ею садовых участков. Одна из этих сделок является безвозмездной передачей сада, вероятно, в погашение долгов, в другом документе прямо объявлено об изъятии за долги всего хозяйства с полем, садом и домом.

В кредитном обращении Аррапхи преобладают смешанные займы (зерно, шерсть и металлы), в которых можно было бы видеть следствие нарушения простого воспроизводства, если бы наряду с этими объектами ссуд не встречались займы рабов, — необъяснимые из потребностей натурального хозяйства. В займы берут луллубеев (одно из горных племен Загра), детей пяти-семи лет, обещая вернуть также луллубеев, в том же возрасте — это исключает предположение об экономии кредитора на обучении раба. Время такого займа колеблется от 10—20-летнего до бессрочного. Во всех таких сделках кредитор взамен раба берет заложника из членов семьи должника или его самого с тем, чтобы они работали в его хозяйстве, пока не вернут раба. Само собою разумеется, что ближайшая выгода от такой сделки доставалась кредитору, который взамен ребенка получал взрослого работника;

но едва ли должники шли на такой обмен целиком себе в ущерб. Пользоваться трудом этих детей на простой физической работе, очевидно, не имеет смысла, — остается предположить, что их брали с целью обучить какому-нибудь ремеслу. В дворцовом хозяйстве дети такого возраста встречаются в списках ткачей. Ткачество было одним из наиболее развитых ремесел в Аррапхе. Возможно, что полученных в кредит рабов эксплуатировали не в своем хозяйстве, а отдавали в чужую мастерскую, может быть, даже дворцовую, с правом участия в ее доходах⁵. Так, некий Ханату взял займы у Эннамати, сына Техиптиллы, луллубеев, мальчика и девочку, и передал их некоему Сини, а сам вместе с сыновьями и домочадцами обязался пожизненно работать в доме кредитора; сыновья должника могут уйти из дома Эннамати только после смерти их отца и только в том случае, если вернут рабов в том же возрасте.

Характерно, что во всех таких сделках должники берут только луллубеев, которые никогда не выступают в суде с жалобами на своих хозяев, в отличие от рабов из других стран. По всей видимости, дело в том, что у луллубеев был слабо развитой общественный строй, не было еще гражданской общины, на поддержку которой они могли надеяться. Преимущество же свободной эксплуатации рабского труда состоит в том, что затраты на содержание и обучение раба можно возместить в относительно короткий срок, заставляя его работать с предельной интенсивностью. Однако, ускорение темпов производства и специализация его имеют смысл только в товарном хозяйстве, существование которого, таким образом, лишний раз подтверждается, — безразлично, идет ли речь о крупных казенных мастерских или о частных.

При первом же знакомстве с документами Тульпуннайи бросается в глаза явный недостаток рабочей силы в ее хозяйстве. Большую часть ссуд она выдает под заложников, которых держит от 5—6 до 50 лет, чаще бессрочно. Собственно покупка раба, насколько мне известно, встречается в ее архиве всего один раз. Следовательно, долговая кабала была для нее основным источником пополнения рабочей силы. Заложники постоянно были в ее распоряжении, так как отлучки их из ее дома были запрещены под угрозой штрафа в 1/2 ~~мтри~~

⁵ Или в порядке возмещения недоимок по налогам. В таком случае речь идет о расширении казенного ремесленного хозяйства в ущерб мелким частным.

⁴ Ср. К. Маркс, Капитал т. III, стр. 454 (изд. 1950).

меди за каждый день прогула. Тульпунная прибегала и к приобретению в невестки дочерей и сестер своих должников с правом выдавать их замуж за рабов, а детей их обращать в рабство. В связи с такими сделками постоянно возникали тяжбы относительно прав удочеренных, которые оставались свободными и на этом основании оспаривали права хозяйки на своих детей.

Несмотря на всяческие осложнения долговое рабство приносило Тульпунной значительные выгоды, так как она обычно не брала на себя издержек по содержанию заложников. В более крупном хозяйстве ее младшего современника, Техиптиллы, это обстоятельство, по-видимому, уже не играло решающей роли. Он чаще берет в качестве рабов *хапиру*⁶, — людей из касситской Вавилонии, Ассирии и других стран. Фактически, это та же самая социальная категория, что и рабы-должники из аррапхитов. В некоторых договорах Техиптиллы специальной оговоркой предусмотрена расправа с ними за претензию их на личную свободу: если *хапиру*, продавшие себя в рабство Техиптилле, заявят, что они не рабы, то он может их калечить и продавать в рабство. Следовательно, вербовка рабов из *хапиру* не давала хозяину их никаких преимуществ по сравнению с эксплуатацией местных каменных рабов, тем не менее, Техиптилла широко использует этот международный источник рабочей силы, — очевидно, его хозяйству не хватало ресурсов собственной страны.

Младший современник Техиптиллы, Илану, сын Тауки, по всей видимости, реализует свои накопления также через международную торговлю, с той лишь разницей, что он обращает их не столько на расширение своего хозяйства, как Техиптилла, сколько на увеличение своих денежных запасов. Одна из его сделок с аррапхитом же, Утхатпае, оформлена не по обычной для Аррапхи схеме, а как типичный ассирийский денежный заем — это краткосрочная ссуда с начислением процента, начиная с момента просрочки платежа. Появление такой фор-

⁶ Ж. Боттеро опубликовал материалы дискуссии, посвященной определению этого термина и в заключение дал общее мнение о *хапиру* участников дискуссии: «Чужестранец, покинувший свою страну и перешедший ее границу; беглец без роду, без племени, оторванный от общества; изгой, не имеющий мстителя, находящийся в поисках новых средств к существованию, т. к. потерял свое место в старом порядке вещей и вынужден бежать под защиту новой страны». Среди *хапиру* были политические беженцы и люди, избежавшие от долгов. В Сиропалестинских мелких государствах они нанимались в войско, но чаще всего они промышляли разбоем.

мы сделки может объясняться только связью Илану с районами, где была принята ассирийская система ссуд. Известно, что ассирийцы с начала II тысячелетия до н. э. и позже пытались сосредоточить в своих руках прежде всего контроль над ввозом металлов в земледельческие центры. Вероятно, аррапхиты снова, как во времена колонии Гасур, устремились к районам добычи благородных металлов, — по-видимому, это и было причиной вторичного вторжения ассирийцев в Аррапху.

Третья, заключительная, глава посвящена общему очерку по материалам клинописных источников, позволяющих судить о том, насколько развитие экономики Аррапхи можно считать типичным.

На территории древнейшей переднеазиатской речной цивилизации, в Шумере III тысячелетия до н. э., аналогичная структура общины отмечена И. М. Дьяконовым. Здесь в составе территориальной общины единственной землевладельческой организацией (кроме храма) была первоначально большесемейная община («дом»), которая вела нераздельное, в основном натуральное хозяйство. В противовес неотчуждаемой храмовой земле, фонд домовых общин назывался уже тогда «продажными полями», — владельцы его, выборные главы домов, обозначавшиеся в документах купли-продажи земель, как «хозяева» (*лугаль*), делят между собой плату за проданные земли, — остальным же участникам сделки, их родичам, достаются персональные подарки или только угощение, но своим присутствием они подтверждают согласие на продажу. Большую часть земель, целыми поселениями, скупал царь. Создание крупных индивидуальных владений поддерживалось советом старейшин, который вместе с народным собранием участвовал в оформлении царских купчих.

В Алалах XVIII века до н. э.⁷ царь и его чиновники также скупают владения общин целыми поселениями вместе с их округой. Границы проданных земель никогда не отмечают, так же как и размеры их — следовательно, речь идет об отчуждении земель из систематически переделывавшегося фонда. Об этой практике систематических переделов свидетельствуют

⁷ Документы из Алаха относятся к XVIII и XV вв. до н. э. Изданы они Д. Дж. Вайзманом частично в автографиях и транскрипции, частично в кратком изложении их содержания — это обстоятельство значительно усложняет их использование, т. к. терминология этих документов слабо разработана. В основном это документы официального дворцового архива, но часть из них — юридические, — лично царские и чиновников.

и упоминания сопровождающего обычно передел моратория долгов, «освобождения».

Повинности, закрепленные за проданными землями, иногда снимаются с них и перекадываются на другие поселения, — очевидно, вместе с перемещением жителей на новые урезанные наделы. Вероятно, именно поэтому купля-продажа общинных земель и привела впоследствии к значительной разнице в размерах наделов. Так, в XV веке жребии, на которые делилась земля территориальной общины Алалах, имеют плотность населения от 42 домов до 670. В последнем случае это, по-видимому, карликовые наделы бедняков, так как в их числе есть дома, принадлежащие *хипиру*, странствующим иноземцам, потерявшим связи со своей общиной (см. выше).

Анализу алалахских купчих на недвижимость предпослан экскурс относительно термина *эб(у)ру* (чаще вар. *эб(и)ри*), определяющего категорию земель, о продаже которых идет речь в документах XVIII века до н. э. По контексту все, начиная с издателя Д. Дж. Вайзмана, переводят этот термин словом «территория», но сопоставляют его с аккадским *эпиру* «прах, пыль» или *эпру* «зерновая выдача», хотя ни то ни другое слово не дает смысла, пригодного для контекста.

Алалах стал преимущественно хурритским только в XV веке, когда термин *эб(у)ру* исчез из употребления, — очевидно, поэтому никто не пытался сопоставить его с хурритским *эвру*, термином встречающимся и в хеттских законах в форме *ив(а)ру*, где он обозначает наследственный земельный фонд большесемейных общин. Алалахские варианты написания этого термина характерны для клинописной его передачи.

По мнению Е. Шпейзера средний гласный не нужно читать вовсе, — появление его объясняется слоговым характером письма; конечный же гласный, как предположил И. М. Дьяконов, по нормам хурритской грамматики может передавать два разных образования причастий. Соответственно *эври* должно переводиться как «владелец»,⁸ а *эвру* означает «владение».

Хеттско-несийская территориальная община XVI—XIV веков до н. э., так же как шумерская, имела самоуправление и общую собственность на землю; внутри подразделялась на

⁸ Ср. урартское *эури* «хозяин», «господин», в поздне-митаннийских текстах — «царь»; то же самое произошло с шумерским *лугаль*, которое в ранних текстах имеет значение только «хозяин», а в поздних — только «царь».

домовые общины («дома»), главы которых имели в своем распоряжении земельный фонд *ив(а)ру*. Трудовая и воинская повинность закреплялись за этим фондом в целом, следовательно, домовая община была основной фискальной единицей.

Характерные симптомы распада экономической базы гражданской общины наблюдаются здесь в параграфах хеттских законов, посвященных воинской повинности и ценам. Воинскую повинность общины мог нести наемник (даже из пленных), которому она выделяла в таком случае часть своей земли, при этом дворец мог требовать любого вида возмещения этой повинности и мог даже отобрать эту долю в свой фонд. Законы хеттского царства устанавливают нормы цен не только на продукты питания, но и на ремесленников в зависимости от их квалификации, на рабочий скот и, что особенно важно, на пахотную землю и виноградники. Возможно, что все эти губительные для гражданской общины нормы отношений узаконены именно потому, что товарное производство в стране было еще очень слабо развито и разрушение экономической основы ее строя не приняло поэтому масштабов катастрофы. Однако, в любом случае, земли уже пошли в оборот — это свидетельствует о значительно продвинутом разложении домовой общины, по сравнению с ее состоянием в XX—XIX веках, каким оно представляется по документам староассирийских колоний в Малой Азии.⁹ Колонисты выдавали ссуды местному населению, как правило, только под отработку процентов должником и его семьей. В случае возможной неплатежеспособности должника за долги его отвечал «тот, кто благополучен и надежен». Очевидно, это условие имеет в виду любую из семей, входящих в состав той же домовой общины, а не семью должника, так как по некоторым из этих документов должник с женой или его сыновья и без того уже работают в доме кредитора до возврата основной суммы займа. В Аррапхе обязанность отвечать по долговым обязательствам родичей лежит на хозяине (*эври*), в распоряжение которого поступают хозяйства неплатежеспособных членов домовой общины.

⁹ Возможно, впрочем, что между гражданами малоазийской общины залог и купля-продажа земель практиковались — ассирийцы же, как чужеземцы, не имели права ее скупать и брать в залог или не хотели связывать свой капитал вкладами в производство, так как занимались более доходной посреднической торговлей.

Территориальная община в Ассирии XIV века до н. э.¹⁰ возглавлялась советом старейшин и делилась на собственно поселение, возделываемую площадь и запасную землю. Земельная территория ее обводилась «большой межой товарищей» (однообщинников), внутри которой имелись постоянные нумерованные жребии, и в них обведенные малыми межами участки больших семей. Запасные земли территориальной общины систематически переделались в отличие от обрабатываемых земель, на которых возникают сплоченные имения (*дунну*). Право покупателя «выбрать и взять» приобретенную землю означает, по-видимому (так же как упоминание этой формулы при разделе большой семьи по отношению к дополнительной доле старшего брата), что он берет надел до жеребьевки. Другими словами, купленная земля выпадает из переделов при распределении земель территориальной общины.

В Ашшуре XIV века домовая община существует, хотя и состоит уже из отдельных не равных по достатку хозяйств, судя по следующим данным. Гарантийную формулу закрепления ссуды «за благополучным и надежным» толкуют обычно как указание на круговую поруку должников, между тем как в одиннадцати случаях из тринадцати мне известных такое объяснение невозможно, так как должник один (в остальных двух случаях — это ссуды купцам-компаньонам). Мне представляется очевидным, что эта формула предусматривает ответственность наиболее сильного из хозяйств домовой общины за долги несостоятельной семьи, так же как в старо-ассирийских документах (см. выше). Показательно, что ни в одном из документов с этой формулой нет обычных распоряжений относительно имущества должника и его семьи на случай просрочки платежа. Очевидно, домовая община, гарантируя погашение займа, получает право распоряжаться имуществом и личной свободой своего неплатежеспособного члена. Возможность изъятия такого залога или закабаления заложников для слабого кредитора была слишком отдаленной и даже маловероятной. Тем самым объясняется и оформление половины из этих документов на предъявителя: если бюджет кредитора не позволял ему дожидаться платежа или

¹⁰ Сведения о территориальной общине и частных имениях даны здесь в основном по монографии И. М. Дьяконова «Развитие земельных отношений в Ассирии» (Ленинград, 1949); — собственно домовая община реконструирована на материалах юридических документов из Ашшура, изданных Э. Эбелингом в прорисовке без переводов.

изъятия залога, то он мог передать документ более кредитоспособному ростовщику.

Очевидно, благодаря большому опыту в посреднической торговле, кредитное обращение Ашшура дает значительно более развитые формы сделок, чем в других странах, — хотя и тех же типов.

В Ашшуре почти все ссуды денежные. По условиям их можно разбить на две группы: а) займы, предусматривающие с момента просрочки платежа переход ипотеки в антихрезу (недвижимость переходит в пользование кредитора) — в этой группе сделок часто встречаются документы, оформленные на предъявителя, — очевидно потому, что цена такого залога сильно превышала размер займа (см. ниже); б) ссуды, представляющие следующую ступень развития долговой зависимости — эти сделки предусматривают возможность изъятия залога, находящегося в антихрезе или ипотеке, без права подачи иска и возврата залога. Среди этих документов нет оформленных на предъявителя.

Исчезновение передаточной формулы в случаях, когда изъятие залога или заложника должно состояться вскоре — свидетельствует о том, что целью большинства спекуляций в Ашшуре является расширение производства, укрупнение имений, а не погоня за денежными накоплениями.¹¹

Ассирийские законы запрещают учет процентов при изъятии залога, но практически, по-видимому, проценты присчитывались к основной сумме. Общая сумма непогашенных займов так или иначе должна была дорасти до цены залога или заложника — только тогда кредитор получал залог в полное распоряжение, как купленный. Так, по сводке долгов сыновей Шименада кредитор Кидинадад получает четверых внуков Шименада, считающихся купленными за полную цену. Первая из ссуд этого списка (1 талант 27 1/3 мины свинца) представляет, по-видимому, выросший заем двоюродного брата должников, Ибашшиилу, сына Синнадинаххе, который взял у Кидинадада 1 талант 5 миц свинца под залог 20 ику поля с тем, что оно будет считаться купленным, если к сроку погашения займа должник окажется неплатежеспособным. Тем не менее, впоследствии братья Ибашшиилу продолжают занимать деньги и жнецов у Кидинадада под залог тех же 20 ику

¹¹ Специализация мелких хозяйств в Ашшуре также ниже, чем в Аррапхе: они занимают дополнительную рабочую силу только на период жатвы.

земли, которые, по всей видимости, были оставлены им под условие роста первой ссуды и выдачи кабальных рабов. Отец Кидинадада, Идинкубе, также практиковал систему последовательных краткосрочных ссуд под залог недвижимости, за которыми следовало изъятие залога: поле Лакипу, сына Силликубе, в результате просрочки платежа по вторичной ссуде оказалось проданным кредитору за полную цену.

Ашшурцам известна прямая купля-продажа недвижимости, но все такие сделки обязательно имеют указание на то, что земля приобретена за полную цену — такая оговорка понятна при изъятии залога, но не в купчей. Возможно, что обязательность ее в купчих объясняется тем, что все купчие являются не более как оформлением изъятия залога или, во всяком случае, восходят к залоговым.

Общий вывод работы сводится к следующему заключению. Во всех рассмотренных случаях возникновения крупных рабовладельческих хозяйств обусловлено не столько высоким развитием товарного обращения, сколько расцветом кабального кредита, принудительный характер которого подчеркивается прямым злоупотреблением политической властью. Столь раннее вторжение кредита в товарное производство объясняется, очевидно, тем, что возможности развития товарного производства были крайне ограничены: как только индивидуальное хозяйство разрывает связи с натуральной кооперацией в виде домовой общины, так оно почти сразу же попадает в зависимость от кредита, — при этом кабальная форма займа неизбежно парализует мелкое товарное хозяйство. Что же касается крупных рабовладельческих хозяйств, вырастающих на этом кабальном кредите, то они довольно быстро выталкиваются на международный рынок ввиду незначительной емкости внутреннего рынка, который к тому же все больше сокращается в результате их собственной деятельности по закабалению мелких производителей. Таким образом, меняются только масштабы тех же противоречий: из местных они перерастают в международные.

В период, о котором идет речь, расширение товарного производства и обращения безусловно разрушает устой гражданской общины, но, вместе с тем, оно является, по-видимому, единственно возможной формой развития экономики этой формации.

Все основные положения настоящей диссертации изложены в статьях:

«Хурритская Аррапха» (Вестник Древней Истории, 1957, 1, стр. 17—33).

«Зависимость распоряжения собственностью в Аррапхе от особенностей ее общественного строя» («Эос» XLVIII, 2, Варшава—Вратислава, 1957, стр. 3—13).

«Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках» (Вестник Древней Истории, 1959, 1, стр. 35—51).